

**ОБЫДЕННАЯ СЕМАНТИКА
БИОНИМОВ *ВОРОН / КУСКУН*
В РУССКОМ И ТУВИНСКОМ ЯЗЫКАХ
(ПО МАТЕРИАЛАМ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)**

Ц. С-Б. Нурзет

Ключевые слова: бионим, обыденная семантика, лингвистический эксперимент, языковая картина мира, этноконцептология.

Keywords: bionym, ordinary semantics, linguistic experiment, linguistic worldview, ethnoconceptology.

DOI: 10.14258/filichel(2024)1-12

В предпринимаемом исследовании представлены результаты сопоставительного изучения обыденной семантики бионимов *ворон / кускун* в национальных языковых картинах мира носителей русского и тувинского языков. Актуальность настоящей работы обусловлена ее вписанностью в современную парадигму этноконцептологии в той ее части, которая нацелена на изучение обыденной семантики слова. Научная новизна исследования обоснована методологическим приемом — лингвистическим экспериментом, направленным на выявление участия различных слоев семантики в процессе концептуализации лексической единицы.

Описание обыденной семантики слова позволяет понять то, каким образом «концептуализируется мир через призму языка и какую картину мира демонстрирует изучаемый нами и отдельно взятый язык» [Кубрякова, 1989, с. 45]. Само понятие «концептуализация» представляет собой «процесс познавательной деятельности человека, с помощью которого он осмысливает поступающую к нему информацию, образует в своем сознании концепты, отражающие его собственное видение окружающего мира» [Кубрякова, 2001, с. 190-191]. В процессе познавательной деятельности у человека формируется определенное видение объективной действительности, что принято называть концептуальной системой мира, моделью / образом / картиной мира. Картина мира предстает как «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, 2007, с. 36]. Картина мира становится основой для языко-

вого воплощения знаний человека о мире [Манакин, 2004, с. 46], иными словами, она формирует языковую картину мира, которая, будучи инвариантной, состоит из системы этнических, территориальных, социальных, индивидуальных фрагментов [Климкова, 2008, с. 12] и отражает образ реальности в сознании, репрезентируемый языком [Манакин, 2004, с. 46; Яковлева, 1996, с. 47].

Процесс описания картины мира, вопросов ее концептуализации приводит к выделению понятия языковой концептуализации, понимаемой как «совокупность приемов семантического представления плана содержания лексических единиц» [Воркачев, 2002, с. 84]. По мнению Е. В. Рахилиной, «в процессе языковой концептуализации мира действительность предстает в преобразованной форме, “проецируясь” в семантику языка, словно на экран. При этом на проецирование оказывают существенное влияние свойства самого “концептуализатора”, т.е. человека, его точки зрения и ракурса изображения, а также особенности конкретных культур, стоящих за каждым языком» [Рахилина, 1998, с. 283]. Иными словами, языковая концептуализация представляет собой антропоцентрическое представление действительности, отраженное в семантике языка. Сравнение национальных языковых картин мира позволяет воссоздать как идиоэтнические, так и универсальные черты мировосприятия неких фрагментов бытия [Рабенко, Нурзет, 2023; Шкуропацкая, 2015, с. 80]. Различия национальных языковых картин мира обусловлены разным мировосприятием реальной действительности и отражены в языке, поскольку «разные языки — это не различные звуковые обозначения одного и того же предмета, а „различные видения“ его» [Гумбольд, 2000, с. 12].

Цель настоящего исследования — моделирование фрагмента языковой картины мира путем описания обыденной семантики бионимов *ворон / кускун*, отраженной в обыденном языковом сознании носителей русского (ворон) и тувинского (кускун) языков.

В ходе исследования задействован ряд методов. На этапе сбора фактологического материала использовался метод лингвистического эксперимента, разработанный в рамках подготовки лексикографического проекта «Словарь обыденных толкований русских слов» [2012]. Предлагаемая испытуемым анкета включает 6 заданий, направленных на разные аспекты концептуального содержания слова:

1. Какие ассоциации возникают у вас в сознании при восприятии слова «ворон» (для тувинских респондентов «кускун»)?
2. Какое значение имеет слово «ворон»?
3. Назовите первые пришедшие на ум фразы, в составе которых есть слово «ворон».
4. Какие предметы и явления могут

быть названы словом «ворон»? (Например, роза — название цветочного магазина). 5. Какие созвучные слова приходят вам на ум, когда вы слышите слово «ворон»? 6. Как вы считаете, почему так названа птица (ворон)?

Ниже представлены количественные данные по всем 6 заданиям, в том числе количество отрицательных ответов, заключенных в скобках.

Русскоязычные анкеты: 1–175 (1), 2–153 (9), 3–73 (32), 4–79 (29), 5–106 (20), 6–57 (45) (всего 643, отрицательных ответов 136).

Тувинские анкеты: 1–105 (21), 2–104 (45), 3–43 (58), 4–45 (62), 5–42 (98), 6–49 (63) (всего 388, отрицательных ответов 347).

Участниками анкетирования выступили преимущественно студенты различных институтов: Кемеровского государственного университета, Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета, Кызылского педагогического колледжа и 46 жителей сел Сарыг-Сеп, Дерзиг-Аксы, Эрзин (Тува).

Данные, полученные в результате проведенного эксперимента, обнаруживают универсальные и культурно-специфические характеристики бионимов *ворон / кускун*. Цифра рядом с бионимом показывает количество одинаковых ассоциатов, цифра отсутствует, если ассоциат зафиксирован единожды; в скобках указано общее количество всех ответов.

Универсальные характеристики бионимов *ворон / кускун*.

1. В наибольшей степени выделяется **таксономический (родовой) признак — птица**: рус. *птица* 69, *падалыщик* 4, *вид птиц*, *дикая птица*, *перелетная птица*, *птица отряда воробьинообразных* (78); тув. *куш (птица)* 43, *кушкаш (птичка)* 20, *куштуң бир хевири (разновидность птицы)* 2 (64). Для носителей задействованных в исследовании языков в первую очередь важно осуществить категоризацию понятия до определенных пределов, конкретизированных гипер-гипонимическими отношениями бионимов «ворона» и «птица».

2. **Физические характеристики.**

Цвет оперения. В ответах представителей обеих лингвокультур частотны ассоциации данных бионимов, восходящие к черному (темному) цвету оперения: рус. *черный* 32, *черная птица* 13, *с черным оперением* 8, *темный* 2, *с темным оперением*, *характерный цвет оперения*, *цвет* (59), тув. *кара (черный)* 24, *куу куш (серая птица)*, *моюну ак (с белой шеей)* (26). Различное количество ответов свидетельствует о разной степени важности выделенной особенности, для русскоговорящих испытуемых более существенно визуальное восприятие. Если для русских испытуемых цвет оперения ворона исключительно черный (темный), то в тувинских анкетах зафиксированы ассоциации *серая птица* и *с белой шеей*.

Крик, характерный для этой птицы: рус. карканье 5, каркает 3, крик 2, барабанная школа, громким криком, кар, кар-кар, танцевальная группа, колонка (16), тув. кускунаар (каркать) 28, алгы (кричит) 18, караоке ады 6, дааш (шум) 6, ыры (песня) 5, шимээн (шум) 2, кускун ырлаар кушкаш (ворон — поющая птица), кышкырар (кричат), микрофон, садик ады (название садика), свисток, уруг (ребенок) [возможно из-за того, что дети плачут от слова кускунаар — кричат, вопить], үннер (голоса), ыраажы клуб ады (караоке клуб), ыры (песня), эдер куш (каркающая птица), эдери кар-кар (произносит кар-кар), эдип-ле турар куш (постоянно каркающая птица) (77). Наблюдается картина, при которой аудиальное восприятие птицы более характерно, исходя из количественных данных, для носителей тувинского языка. Данный факт подтверждает и частотность ассоциаций ворона (кускун) с образом **орущего человека**: алгырар / алгырып чоруур / турар кижиге (орущий человек) 11, кускунаар кижиге (орущий человек) 9, алгы (крик) 2, чеже кускунаар сен (сколько можно орать), ыглап турар өнея (плачущий ребенок) 2 (23).

Клюв: рус. клюв 3, с большим клювом (4); тув. думчуу узун (нос длинный), думчуу ыргак (изогнутый клюв), кускун хаайлыг (с носом как у ворона, т.е. с горбинкой) [кускун-хаай — кирка], узун думчук (длинный клюв), узун хаайлыг (с длинным клювом), хаай (клюв) (6). Представители обеих лингвокультур, хотя и выделяют клюв как отличительное качество описываемой птицы, но характеризуют его по-разному: для русских испытуемых важно само наличие части тела и его размер (большой), а для носителей тувинского языка важно не просто наличие самого клюва, а в сопряжении с отличительной характеристикой этой части — *изогнутость* и *длина* клюва.

Размер птицы: рус. крупная 7, большая 2, (9); тув. улуг (большой) 5, ыздыр (здоровый / большой) (6).

В наименьшей степени выделяют характерный **взгляд птицы**: рус. подозрительный взгляд, хмурый (3); тув. өттүр көөр куш (птица с пронзительным взглядом).

Умение летать: рус. летает (3); тув. кускун ужуп тур (ворон летит) (3).

3. Повадки. Ворон воспринимается как **падальщик**: рус. падальщик 4, есть мертвечину, запах трупов (смрад), падаль, санитар земли 6 (8); тув. сек (труп) 4, аът өлген секте хөй кускунар чыглып тур (у мертвой лошади собираются много ворон), кускун көвүдээрге мал чудаар (когда много ворон, скоту худо), хөөр чанынга кускунар чыглып алган (возле могилы собрались вороны) (7). Данный бионим ассоциируется с отходами, что характеризует его как птицу нечистоплотную, ассоциирующую

юся с мусором: рус. *мусор*; тув. *бок арыглаар* (*чистит мусор*), *кайда бок, ында кускун* (*где мусор, там вороны*) (2).

4. Среда обитания. Птице свойственно **обитание в возвышенных местах**: рус. *сидит на заборе, сидит на высоковольтной опоре* (2); тув. *бедик черге олулар* (*сидит на возвышенностях*), *херим кырынга олулар* (*сидит на заборе*) (2).

5. Внутренние качества, особенности поведения. В представлении русского человека и тувинца ворон — это птица, ассоциируемая с агрессией, злом, как следствие с опасностью для человека (и не только): рус. *злой* 3, *агрессия, зло, настороженность, мрачность, опасный, пугает голубей* (9); тув. *коргунчуг* (*страшный*) 2, *айыылдыг куш* (*опасная птица*) 2, *кара сагыштыг кушкаш* (*птица с плохими намерениями*), *каржы* (*жестокий*) (7). Хитрость и жадность — наименее характерные черты этой птицы: рус. *хитрый* 2, *хитрый человек, решать все хитростью, хитрость* (4); тув. *кажар* (*хитрый*), *хоттак* (*жадный*).

6. Эмотивный аспект. Ворон вызывает страх: рус. *страх* 2, *люди боялись ворона, несчастье, нечисть, опасный, плохой, пугает голубей, страшно, ужас, вселяющий страх* (13); тув. *коргунчуг* (*страшный*) 2, *айыылдыг куш* (*опасная птица*), *кара сагыштыг кушкаш* (*птица с плохими намерениями*), *каржы* (*жестокий*) (5).

В ответах представителей обеих лингвокультур зафиксировано ложное представление о том, что ворон — самец вороны: рус. *самец*; тув. *эр кушкаш* (*самец*) 3, *каарганың эр эжи* (*спутник / самец вороны*) (4).

Национально-специфические характеристики

Представители тувинской лингвокультуры более последовательны в описании внешних характеристик ворона. Для тувинцев важно выделить длинный изогнутый клюв, когти ворона как свидетельство хищнической природы этой птицы: *дыргаа узун* (*длинный коготь*) 4, *дыргак* (*коготь*) 4, *кижи дыргаа* (*человеческий коготь*), *шиштиг дыргактар* (*длинные когти*) (8). Актуализируется сходство ворона с вороной: *каарганга дөмей* (*похожий на ворону*) 4, *каарган* 2, *кускун-биле каарганы будаар мен* (*путаю ворона с вороной*) (7). Для тувинца значима среда обитания этой птицы: *терек* (*тополь*) 8, *арга* (*лес*) 7, *хову* (*степь*), а также способ добывания пищи: *аңнаар* (*охотиться*), *күске* (*мышь*) (2); эта птица раскалывает орехи и питается их ядрами: *соктаар* (*стучать*) 4, *тоорук* (*орех*) 4 (8). Исследуемый бионим вписывается в темпоральную картину мира тувинца, эта птица ассоциируется прежде всего с осенью: *күскү* (*осенняя*) 4, *күс* (*осень*), *кыжын-даа*, *чайын-даа*, *каая-даа чуртаар* (*зимой и летом живет где угодно*) (4).

Русскоязычные респонденты в большей степени сосредоточены на описании внутренних качеств птицы и ассоциируемых с этой птицей эмотивных характеристик. В обыденном сознании представителя русской лингвокультуры ворон представляется птицей, отличающейся мудростью (граничащей с хитростью): *мудрый* 6, *умная птица* 5, *мудрость* 4, *ум* 2, *умный* 2, *знания*, *неглупая*, *смекалка*, *мудрый, как ворон* (22). Черный цвет оперения объясняет частотность ассоциаций с корнесловом мрачн- и темн-: *мрачный* 6, *мрачность*, *мрак*, *тьма* 3, *темнота*; *старый и мрачный человек*; *угрюмый, как ворон*.

В русском обыденном языковом сознании зафиксирован образ жизни ворона: птицы, живущие стаями: *стая* 3, *живущая стаями*, *много в городе есть* (5), которые могут обитать вне городов: *пахота* 2, *гнездящаяся обычно в уединенных местах*, *мир вне городов* (4). Это птицы вороватые: *берет блестяшки*, *вор*, *ворует*. 3 (3), не привередливые в пище: *всеядная птица* 2 (2), строящие гнезда: *воронье гнездо* 3.

В прецедентных феноменах отражены наиболее яркие представления о вороне. В мифологическом плане ворон для русского человека представляется символом смерти: *смерть* 28, *кладбище* 6, *старый* 2, *вестник смерти*, *война*, *несущая смерть*, *смерть несет*, *древний*, *кладбищенский ворон*, *старость*, *тление* (44). Представлены ассоциации, восходящие к скандинавской мифологии: *ворон Одина*, *из скандинавской мифологии* (2). Ворон сопрягается с суеверием, он оценивается как предвестник беды: *беда* 3, *мистика* 2, *магия*, *опасность*, *плохой знак*, *предвестник беды*, *предвестник опасности*, *предвестник чего-то плохого*, *примета*, *приносит несчастье*, *птица ведьм*, *птица стереотипов и примет*, *суеверный кликуша* (16). В ответах тувинских респондентов зафиксирован единичный ассоциат, характеризующий ворона как вестника: *медээчи куш (птица, приносящая вести)*, при этом нельзя точно сказать, является ли ворон благим или дурным посланником.

В русской лингвокультуре ворон предстает как излюбленный песенный персонаж: песня «Черный ворон» 21, *Черный ворон, что ж ты вьешься* 14, *Ты не вейся, черный ворон, над моею головой! Черный ворон, я не твой* (37), слова из песни «Вороны» группы «Nervy»: *не трогайте меня, вороны, Нервы — Вороны* (2). В тувинских ответах упоминается *күскү серлик* («Осенний парк»! — название песни).

В ответах русскоязычных респондентов звучат ассоциаты, восходящие к кинофильмам: *трехглазый ворон [из сериала «Игра престолов»]* 2, *ворон из игры престолов* (2), *фильм «Ворон»*, *грустный фильм* (2), *фильм «Воронины»*, *Воронин*, детским мультфильмам «Снежная королева»: *Герда*, *Лапландия*, *сказка* (3) и «Смешарики»: *Кар-Карыч*.

Русскоязычные респонденты вспомнили строки из стихотворений А. С. Пушкина: *Ворон к ворону летит* [Стихотворение «Ворон к ворону летит...»] и Эдгара Аллана По: *Как ты звался, гордый Ворон?* [Стихотворение «Ворон»]. Любопытен ответ «персонаж из игры *brawl stars*», который свидетельствует о том, что образ ворона в концептуальном плане достаточно богат и активно используется в современных компьютерных играх.

С вороном связаны некоторые афоризмы: *считать ворон 3 (3); выделяющийся, чужой среди своих* [белая ворона] (2), *Ворон — волшебник, ворона — карга, Ворон ворону глаз не выключет, Ворон кричит не на беду, а потому что рядом опасность* [афоризм индейцев], *Выткала холст — ворон ногами унес, Сорока-ворона кашу варила...*, *Старый ворон каркать даром не станет* [Ворон старый не каркнет даром]. Тувинцы вспомнили, в основном фрагментарно, пословицу *Эки эзир тевер, кускун-сааскан дойлаар (хороший орел добудет, а вороны, сороки пируют): кускун-сааскан (ворон-сорока)* 4, *кускун дойлаар (ворон будет пировать)* 3, *эки эзир тевер, кускун, сааскан дойлаар (хороший орел добудет, а вороны, сороки пируют)* (8).

Бионим ворон в обоих языках является полисемантическим, что подтверждается приведенными участниками эксперимента значениями. Так, в русском сознании исследуемый бионим ассоциируется с названием автомобиля для перевозки преступников: *авто для перевозки заключенных, автомобиль кзб, воронок — машина, на которой увозили политпреступников в сталинский период, полицейская машина, перевозящая бандитов* (5), наблюдательного поста на корабле, который называется *воронье гнездо* 2.

В ответах тувинских респондентов находим ассоциаты: *кат-чимистиң бир хевири (разновидность ягод), кускун-кады (костьяника, дословно — ягода ворона)* 2 (2). Единожды зафиксирован ответ, содержащий название орудия труда: *кускун-хаай (кирка)*.

В задачи исследования входило и выявление мотивационного потенциала семантики, определение причин возможной полисемии и ономастические явления, которые неразрывно связаны с концептуализацией и категоризацией окружающей действительности. Существуют причины, которые по результатам исследования свойственны только тому или иному обыденному языковому сознанию. Так, в русском сознании в качестве причин выделяются следующие факторы:

а) **образ смерти, ассоциируемый с птицей:** *похоронное бюро 3, бюро ритуальных услуг, компания по организации траурных мероприятий, магазин гробов, магазин ритуальных услуг, магазин табачной продук-*

ции, название для места с ритуальными услугами, название похоронного агентства, похоронное агентство, ритуальное агентство, ритуальные услуги (23); магии: магазин магии, магазин с мистическими товарами, магазин с эзотерическими товарами (2);

б) как следствие, **ассоциируемый со смертью и магией черный цвет, цвет готической культуры**: рус. магазин готической одежды, музыкальная группа (роооок), ночной клуб, ночной клуб для готов, человек в черной одежде (9);

в) **связь грамматического рода слова «ворон» с маскулинностью**: военная техника, интеллектуальный клуб для мужчин, магазин инструментов, магазин мужской одежды, охранное агентство, охранное предприятие, стрельбище (7);

г) **связь образа ворона с алкогольными напитками** (ассоциируемые с образом мужчины мужские алкогольные напитки — коктейль «Ворон», водка «Черный ворон», виски «BlackCrow» / «черная ворона»): алкогольные напитки, бар, винный магазин, клуб, лаундж-бары, название ресторана, пивбар (7);

д) **образ ворона, любящего блестящие предметы**: бренд одежды, магазин, магазин одежды, магазин аксессуаров, название ювелирного магазина (6).

Для тувинцев причинами назвать явление словом *ворон* могут быть **перенос внешних характеристик ворона на человека**: *думчуу узун киж* (человек с длинным носом). Отмечается наименование географического места, где обитает данная птица: Кускун ('ворон') — гора в Овюрском районе Тувы, см. также *Чер ады* (название земли), *эвилелчи черлер* (союзные земли) (2).

Таким образом, в ходе сопоставительного анализа были выделены универсальные и идиоэтнические признаки бионимов *ворон* / *кускун*, представленные в обыденном сознании рядового носителя русского и тувинского языков. Среди общих признаков, обнаруживаемых в ответах представителей изучаемых лингвокультур, стремление респондентов категоризировать бионим до гиперонима «птица», описать его внешность, физические характеристики, повадки, среду обитания. Знания о данных характеристиках бионима респонденты получают через визуальный и аудиальный каналы, т.е. они основываются на объективных факторах. Среди универсальных свойств бионима выделяются аксиологические характеристики, прежде всего чувство страха, с которым ассоциируется данный бионим. Полагаем, что данный ассоциативный блок «ворон / кускун — чувство страха» в обыденной семантике исследуемых бионимов является инвариантной составляющей, имеющей глубокую культурную

обусловленность (черная хищная ворон / кукун как птица, ассоциируемая со смертью).

Национально-специфическое своеобразие бионимов *ворон / кукун*, представленных в обыденном сознании русского человека и тувинца, проявляется в более последовательном развитии ряда признаков, ассоциируемых с этой птицей. Для русскоязычных респондентов более важны некие внутренние качества этой птицы и ассоциируемые с ними эмоциональные характеристики. В целом обнаруживается амбивалентный образ исследуемого бионима. С одной стороны, эта птица ассоциируется с житейской мудростью, а с другой стороны, с образом смерти, кладбищенской темой, что поддерживается черным цветом оперения ворона и особым типом питания (употребление падали). Последнее становится основой для мотивационного потенциала бионима (использование данного бионима как названия преимущественно для организаций, оказывающих ритуальные услуги).

Для представителей тувинской лингвокультуры, проживающих в степной открытой местности, позволяющей наблюдать за этой (и не только) птицей, релевантны качества данной птицы, оценивающие его биологическую природу: внешний облик (хищнический образ ворона — изогнутый клюв, большие когти), издаваемый птицей характерный крик, среда обитания, пища и способы ее добывания.

Библиографический список

Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа // Социальные и гуманитарные науки, 2002. № 2.

Гумбольд В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 2000.

Климкова Л. А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира. М., 2008.

Кубрякова Е. С. Морфология в теоретических и типологических исследованиях последнего времени. М., 1989.

Кубрякова Е. С. Теоретические проблемы русского словообразования (транспозиция в концептуализации и категоризации мира) // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2001.

Лебедева Н. Б., Рабенко Т. Г. Обыденная семантика бионимов в славянских и неславянских лингвокультурах (по результатам эксперимента) // Русин. 2019. № 56.

Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. Киев, 2004.

Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007.

Рабенко Т. Г., Нурзет Ц. С.-Б. Обыденная семантика бionимов орел / эзир в русском и тувинском языках (по результатам лингвистического эксперимента) // Научный диалог. 2023. № 3.

Рахилина Е. В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семантика и информатика: М., 1998. Вып. 36.

Словарь обыденных толкований русских слов: лексика природы / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово, 2012.

Шкуропацкая М. Г. Национальная языковая картина мира как компонент языкового сознания русской и монгольской языковой личности (сопоставительный аспект) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 1.

Яковлева Е. С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. № 1.

References

Vorkachev S. G. *Koncept schastya v russkom yazykovom soznanii: opyt lingvokulturologicheskogo analiza*. [The concept of happiness in the Russian linguistic consciousness: the experience of linguistic-cultural analysis]. In: *Social'nye i gumanitarnye nauki*. [The Humanities and social sciences]. 2002. No. 2.

Gumbold V. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu*. [Selected works on linguistics]. Moscow, 2000.

Klimkova L. A. *Nizhegorodskaya mikrotoponimiya v yazykovej kartine mira*. [Microtoponymy of Nizhny Novgorod in the linguistic picture of the world]. Moscow, 2008.

Kubryakova E. S. *Morfologiya v teoreticheskix i tipologicheskix issledovaniyax poslednego vremeni*. [Morphology in recent theoretical and typological studies]. Moscow, 1989.

Kubryakova E. S. *Teoreticheskie problemy russkogo slovoobrazovaniya (transpoziciya v konceptualizacii i kategorizacii mira)*. [Theoretical problems of Russian word formation (transposition in conceptualization and categorization of the world)]. In: *Russkij yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'*. [The Russian language: historical destinies and modernity]. Moscow, 2001.

Lebedeva N. B., Rabenko T. G. *Obydennaya semantika bionimov v slavyanskix i neslavyanskix lingvokulturax (po rezultatam eksperimenta)*. [Everyday semantics of bionyms in Slavic and non-Slavic linguistic cultures (based on the results of the experiment)]. In: *Rusin*. 2019. No. 56.

Manakin V. N. *Sopostavitelnaya leksikologiya*. [Comparative lexicology]. Kyiv, 2004.

Popova Z. D. *Semantiko-kognitivnyj analiz yazyka*. [Semantic and cognitive analysis of language]. Voronezh, 2007.

Rabenko T. G., Nurzet Ts. S.-B. *Oby`dannaya semantika bionimov orel / e`zir v russkom i tuvinskom yazy`kax (po rezul`tatam lingvisticheskogo e`ksperimenta)*. [Ordinary Semantics of Bionym Orel and Ezir [Eagle] in Russian and Tuvan Language (Results of a Linguistic Experiment)]. In: *Nauchny`j dialog*. [Nauchnyi dialog]. 2023. No. 3.

Raxilina E. V. *Kognitivnaya semantika: istoriya, personalii, idei, rezultaty*. [Cognitive semantics: history, personalities, ideas, results]. In: *Semantika i informatika*. [Semantics and Computer Science]. Moscow, 1998. Iss. 36.

Slovar` obydennykh tolkovaniy russkikh slov: leksika prirody. [Dictionary of everyday interpretations of Russian words: vocabulary of nature]. Ed. by N. D. Golev. Kemerovo, 2012.

Shkuropaczskaya M. G. *Nacionalnaya yazykovaya kartina mira kak komponent yazykovogo soznaniya russkoj i mongolskoj yazykovej lichnosti (sopostavitelnyj aspekt)*. [The national linguistic picture of the world as a component of the linguistic consciousness of the Russian and Mongolian linguistic personality (comparative aspect)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Tomsk State University Journal]. 2015. No. 1.

Yakovleva E. S. *K opisaniyu russkoj yazykovej kartiny mira*. [To description the Russian language picture of the world]. In: *Russkij yazyk za rubezhom*. [Russian Language Abroad]. 1996. No. 1.